

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор кафедры управления социальными процессами Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Монография О. И. Шкаратана и возглавляемого им коллектива "Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России" [1] - заметное явление в российской социологии последних лет. Она посвящена одной из актуальнейших тем. Работа содержит значительный теоретический и эмпирический материал, прослеживает многолетнюю разработку проблемы в зарубежной и отечественной литературе. Заслуживает внимания последовательность автора в развитии основных идей книги.

Принцип ее построения - от абстрактного к конкретному. Реализованы две линии этого движения - историческая (введение, гл. 1 - 5) и социальная (гл. 6 - 10), смыкающиеся в 11 главе и заключении. Монография сопровождается объемными приложениями и насыщена множеством таблиц, графиков, рисунков, представляющих материалы трех социологических опросов, проведенных автором в разные годы и позволяющих проследить динамику многих социальных явлений. Вместе с тем чтение книги сразу же вызывает размышления. Перед нами пример того, как много значит в социологии интерпретация эмпирического материала, его теоретическое осмысление с мировоззренческих и методологических позиций ученого. Здесь между мной и автором возникает барьер: я марксист, а О. И. Шкаратан и его сотрудники противостоят марксизму. Мне могут возразить, ссылаясь, в частности, на 11 главу, где автор обращается к марксизму. Особенно характерен § 11.2: "Содержание теории социального воспроизводства (развитие Марковского подхода)". Но с чего начинается этот параграф? С совершенно недоказанного, противоречащего фактуальному содержанию книги и даже посланию Президента Федеральному Собранию от 12.11.2009 г. положения: "Известно, что Россия вступила в длительный период стабильного развития того социально-экономического порядка, который утвердился в ней в 1990-х годах" (с. 381). Под социально-экономическим порядком подразумевается дуалистическая модель социально-экономических отношений. Эта модель так же фиктивна, как и фиктивно ее расширенное воспроизводство. Причем же здесь марксова теория социального воспроизводства? Она используется и в известном смысле развивается автором как *форма* анализа, его логический каркас. Но *содержание* анализа не имеет к Марксу никакого отношения, оно противоположно марксизму.

Приведу некоторые примеры. Глава 5 содержит фактический материал о том, что представляла собой приватизация в России. Но трактовка этого не выдерживает критики. Приватизация в России - типичный, хотя и своеобразный по форме, процесс первоначального накопления капитала, включивший в себя не только обогащение ни-

чтожного меньшинства, но и пролетаризацию основной массы населения. То и другое О. И. Шкаратан описывает, но не как капитализацию страны в особой форме, а как неоклассицизм. Причем уродливость российской приватизации он выводит из характера советского общества, в котором все было ничьим. В действительности и в современной России проявляется закономерность, в соответствии с которой каждая новая (в данном случае, скорее, не новая, а реставрируемая) общественно-экономическая формация начинается с переработки общественной (общественной) собственности.

Глава 7 (о человеческом и социальном ресурсах) написана Г. А. Ястребовым и другими соавторами. На с. 192 - 193 читаем: "Применительно к критериям социального неравенства, обсуждаемым в данной главе, предпочтительно использовать понятие "ресурсы", как более нейтральное и не накладывающее строгих ограничений на их операционализацию в терминах стоимости или отложенных доходов, привычно ассоциируемых с понятием "капитал". Тем не менее, отдавая должное широкой распространенности подобных определений в практике стратификационных исследований, а также современному направлению развития соответствующих концепций, мы далее будем оперировать именно этими понятиями: и человеческий, и социальный капитал". Хотя авторы, на мой взгляд, неверно трактуют капитал, стремление не отождествлять капитал и ресурс плодотворно. Но этот позитивный *момент* полностью истребляет Ю. М. Крельберг в § 11.5, где марксова трактовка капитала дана в духе Экономикса. Так, он пишет, что основные свойства капитала, наиболее полно раскрытые в марксистской концепции, остались прежними. "Под капиталом понимается ограниченный ресурс, находящийся в собственности индивида, который может быть использован им в целях обогащения (в широком смысле этого слова). Важным свойством капитала является его динамичность и способность увеличиваться за счет собственного движения. Ресурс становится капиталом в том случае, если он способен приносить доход, то есть участвовать в кругообороте, в котором при прохождении нескольких стадий и, проходя через разные свои формы, он порождает прибавочную стоимость - доходность капитала..." (с. 422 - 433) [2]. Или рассматриваются идеи исследовательского комитета социологии регионального и городского развития, склонявшегося в ряде случаев к марксизму. О. И. Шкаратан указывает на узость этих идей (они сосредоточены на одном, пусть даже фундаментальном аспекте социальной репродукции - воспроизводстве рабочей силы) и при этом отбрасывает важнейшее положение Э. Претесея об эксплуатации рабочей силы (с. 374 - 375). Следовательно, фиксируя исследовательскую ограниченность, он допускает классовую ограниченность. Тема *эксплуатации* в монографии, как и в работах большинства российских социологов, если и присутствует, то крайне абстрактно, формально. Авторы постепенно вырабатывают манеру упоминать Маркса, делать поклоны в его честь, выбирать из его работ по разным мотивам "удобные" цитаты.

Высоко оценивая последовательность изложения, я ни в коей мере не могу поддержать реализуемую в книге концепцию. Речь идет о месте и форме развития России, о том, как ее история вписана в историю человечества. Дискуссии по этому поводу бесконечны. Сталкиваются мнения не только традиционных теоретических школ и лагерей; нет единства среди марксистов, социалистов, приверженцев капитализма, националистов и т.д. В социологии решение этих вопросов осложняется искусственной изоляцией от философии, особенно отказом от материализма и диалектики.

Автор пишет: "Представляется, что как марксистский, так и либеральный унитаризм с их безальтернативностью эволюции человечества, игнорированием взаимодействия общего и особенного в истории далеко не бесспорны" (с. 35). Однако сам О. И. Шкаратан упускает из виду *изменчивость* соотношения общего, особенного и единичного и связь их диалектики с диалектикой целого и части. Он не воспринимает историю человечества как процесс движения от дифференциации к целостности, постепенного нарастания общности, целостности при сохранении, а порой и умножении специфического, своеобразного, уникального. Этот процесс, разворачивавшийся в пространстве и времени [3], имел и функциональные характеристики. Одни стра-

ны ("Запад") выполняли функции главного носителя прогресса человечества, другие ("Восток") были источником накопления потенциала и поддержания основ цивилизации. Однако, во-первых, конкретные страны, особенно в последние столетия, отнюдь не обречены выполнять эти роли, но демонстрируют способность к их радикальным изменениям. Во-вторых, истории также известны страны, занимавшие промежуточные позиции. К ним относится Россия ("Евразия"). История России действительно уникальна, но это определяется не такими факторами, как православие или особая система ценностей, хотя преуменьшать их значение неверно. Феодализм на территории России зародился на несколько столетий позже и в совершенно других условиях, чем в Западной Европе. Естественно, что и формы его были иными. Печать своеобразия усилило ордынское господство. Но это не дает основания для таких заключений: "Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному, и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о правильной жизни. Поэтому большевизм получил (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу в России" (с. 54). На мой взгляд, более предпочтителен обоснованный вывод Б. Н. Миронова: "Основные итоги социального развития России в период империи свидетельствуют о том, что в социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях Россия в принципе изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны" [4]. Мне могут возразить, что тенденции и результаты развития далеко не всегда совпадают. Но это не причина для того, чтобы видеть лишь дивергенцию между ними.

Я остановился на исходной концепции О. И. Шкаратана по двум причинам. Прежде всего, полилинейное представление истории в его редакции искажает гораздо сильнее линейного и особенно искажает роль России в новой и новейшей истории. Эта роль была противоречива. Маркс и Энгельс не только считали Российскую империю "жандармом Европы", но также отмечали цивилизирующее влияние России [5] и ее революционные перспективы, связанные с развитием капитализма. В XX в. именно она стала определяющим фактором мирового прогресса, не сумев, однако, обеспечить необходимый прогресс самое себя. А главное, - проповедуемый в монографии взгляд на историю России подводит теоретико-методологическую основу под неадекватное исследование и описание стратификационной структуры России как "носительницы евразийской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества" (с. 9). В пику формационной теории Маркса создана теория этакратического общества и, соответственно, этакратического типа стратификации. Общество, которое недавно от незавершенного социализма повернуло к капитализму, изображают как неэтакратическое, не являющееся подлинно буржуазным. Это равносильно тому, чтобы требовать от начинающего бегуна мировых результатов. Утверждается, что в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая - продукт отношений, складывающихся на рынке труда.

Эти взгляды признаны многими социологами. У меня же они вызывают некоторые вопросы. К примеру, откуда в России рынок труда? Это ведь не базарчик возле ближнего гастронома, на котором десяток пенсионеров торгуют луком и петрушкой. Или: не означает ли полилинейность, что за деревьями нет леса? А ежели лес есть, то что он собой представляет? Рассматривая постсоциалистические страны (гл. 1), О. И. Шкаратан относит в одну зону Россию, Казахстан и другие страны, а во вторую - страны ЦВЕ, Украину, Эстонию и т.д. Спрашивается, в чем тождество двух последних стран? Не в одинаковом ли отношении некоторых тамошних правителей к коллаборационистам? На мой взгляд, сравнение России со странами ЦВЕ поучительно. Формально речь идет о цивилизационных различиях, которые делают развитие тех и других несопоставимым. Однако независимо от того, что думает автор, он изобража-

ет неозакратическую Россию более архаичным обществом, чем Польша, Болгария и другие страны. Россия - страна, если не азиатского, то государственного способа производства, ей присуща не классовая, а сословная структура [6], она насаждала в странах ЦВЕ консервативное и реакционное, например, вторичное закрепощение крестьянства в Венгрии, Польше и т.д. (с. 46 - 47). В свете этого любопытна следующая справка: "В странах Восточной Европы аграрная реформа прошла в конце восьмидесятых годов прошлого века. Вопреки ожиданиям, *колхозы* не распались и смогли вписаться в рыночные отношения. В Чехии частным лицам принадлежит всего 15% сельхозугодий. В Венгрии индивидуальным выращиванием продукции занимаются 12% крестьян. Земля сельхозкооперативов бывшей ГДР перешла в федеральную собственность. В большинстве случаев ею управляют прежние руководители хозяйств, имеющие специальное образование и успешный рыночный опыт..." [7]. А как же обстоит дело с классом крестьян (смердов?) в архаичной России? У О. И. Шкаратана такого класса просто нет!

Для понимания сути его стратификационной теории наибольшее значение имеет 6 глава - "Становление новых форм социального расслоения в современной России", написанная им и Г. А. Ястребовым. Авторы солидарны с теми, кто связывает существование классов лишь с капитализмом. Православная цивилизация классов не знает. Другое дело западные страны. Здесь "...разделение на классы - это не произвольное агрегирование профессий или индивидов. Оно имеет прочный концептуальный фундамент. В развитых странах... виды и роды занятий связаны с институциональной системой общества и социальной закреплённостью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. Выделенные соответствующим образом классы реальны и выступают в качестве фундаментальных единиц эксплуатации, что, в свою очередь, в значительной степени сказывается на характере неравенства в доходах, характере распределения собственности и различиях в жизненных шансах. Таким образом, выделение ("конструирование") классов имеет прочный концептуальный фундамент..." (с. 146).

На самом деле и в западной социологии, а также во взглядах О. И. Шкаратана и Г. А. Ястребова, поскольку речь идет о социальной структуризации населения, систематичности нет. Не буду останавливаться на методологических и теоретических причинах этого, но подчеркну, что авторы не различают социальную и стратификационную структуры. Это допустимо, если анализировать только социальную структуру. Однако последняя, будучи несущим элементом стратификационной системы, не исчерпывает ее. Между тем О. И. Шкаратан и Г. А. Ястребов смешивают элементы стратификационной системы [8].

Дифференциация населения [9] рассматривается авторами по ряду направлений, центральным из которых является вполне обоснованное выделение реальных и статистических групп (с. 150 - 153). Но их анализ вызывает нарекания, связанные, прежде всего, с нечетким разграничением таких характеристик групп, как положение и состояние. Реальной социальной группе, например, классу, присуще определенное объективное положение, его субстанциональная характеристика. Положение класса определяется с помощью существенных признаков. Вместе с тем классу в целом и его структурным элементам присущи различные субъективные состояния ("класс в себе"/ "класс для себя", социальная активность/пассивность и т.д.), а также эволюционные изменения, не выходящие за рамки определенного положения. Авторы же смешивают положение и состояния, что является источником предвзятых суждений и оценок, затрудняет различение реальных и статистических групп. Далее, в "признаковом пространстве выделения групп" ослаблена связь индивидуального и социального подходов. Провозглашается предпочтение социальному подходу (с. 150), но реализуется, скорее, индивидуальный. Все это выливается в отождествление реальности и гомогенности социальных групп. В действительности их тождество сугубо относительно. Группа работников со средним специальным образованием гомогенна, но ее нет. Реальны группы, существующие не в сознании исследователей, не на бумаге, а в са-

мой действительности. Они могут быть или являются социальными субъектами. Они гомогенны по существенным признакам и гетерогенны по акцидентным признакам. Но беда в том, что те и другие нередко смешиваются.

В конечном счете, все это сказывается на противоречивом решении вопроса о критериях выделения социальных групп. Книга содержит обоснованную критику недостатков выбора этих критериев другими учеными, но повторяет многие из них. Авторы выступают против использования субъективных критериев и тут же объявляют индикаторами места группы в социальной структуре шесть критериев (с. 158 - 159), из которых по меньшей мере четыре являются субъективными, вторичными [10].

Возможны два подхода к анализу стратификационной системы, точнее, ее важнейших элементов - социальной структуры и институционального распределения. Первый - теоретически обоснованное выделение классов и социальных слоев, групп на основе качественных критериев с последующей эмпирической характеристикой; второй - выделение различающихся между собой социальных групп на основе анализа эмпирических данных. Первый подход схож с движением по азимуту, второй - с движением по трясине. Эффект зыбучести возникает, прежде всего, потому, что и субстанциональные и акцидентные характеристики социальных групп являются количественными и часто даже совпадают. Достаточно сопоставить критерии выделения реальных групп и их характеристики (с. 158 и 182 - 183), чтобы убедиться в этом.

О. И. Шкаратан сравнивает социально-профессиональную структуру, присущую западноевропейским странам, с соответствующей структурой России. Это осуществляется в параграфе под примечательным названием: "Социально-профессиональные группы как псевдореальные" (с. 159). Доказывается, что схемы, принятые на Западе, в условиях православной цивилизации не работают. Задачи такого рода решаются и другими социологами, которые, к примеру, выясняют, применима ли в России методика ESOMAR. Действуя подобным образом, О. И. Шкаратан и Г. А. Ястребов обращаются к схеме ГЭП, причем их прочтение Д. Голдторпа ощутимо отличается от прочтения Э. Гидденса [11]. Приложив указанную схему к России, соавторы пришли к такому выводу: "в отличие от стран, демонстрирующих начатки информационной экономики (стремление к преобладанию высококвалифицированных профессиональных групп в структуре общества, замещению физического труда преимущественно интеллектуальным), социально-профессиональная структура, сложившаяся в России, свидетельствует о том, что страна пребывает в стадии позднего индустриализма с характерным преобладанием рабочих и низкими показателями доли профессионалов и квалифицированных управляющих" (с. 160 - 161). Этот вывод, на мой взгляд, прямолинеен и поверхностен. Он не учитывает множество исторических, технологических, экономических, национальных и прочих факторов и строится на странном толковании фактов. Опросы О. И. Шкаратана представительны, однако допускают значительное превышение доли рабочих по сравнению с данными статистики. Замечено, что удельный вес самозанятых в ФРГ на 3% больше, чем в России, но не замечено, что в Испании (Евромаврии?) их больше, чем в ФРГ на 6%.

Но все это меркнет перед тем, как выделяются и анализируются в монографии на основе собственных исследований нередко действительно *псевдореальные* социально-профессиональные группы. В результате получен странный продукт. Он рассмотрен в трех таблицах (6.4.3, 4, 5), и во всех трех фигурирует *разное* количество социально-профессиональных групп (слоев) и *разные* их наименования и доли! Это - свидетельство того, что классификация слоев спорна, если не сказать ущербна. Социолог *может* применять или не применять энтропийный метод, но он *обязан* соблюдать логические правила классификации. Например, последняя должна осуществляться *по одному основанию*. Между тем, социально-профессиональные слои определены О. И. Шкаратаном на основе неупорядоченного наделения их функциональными, кретенционными, субординационными, квалификационными, отраслевыми признаками. Я бы не удивился, обнаружив вместо группы имеющих среднее специальное образование группу аккуратных работников. Конечно, такие группы как-то связаны с

действительностью, но они фиктивны или полуфиктивны, и не потому, что в России неэтакратическое общество, а потому что социологи подчиняют свои исследования сомнительным идеям.

Любопытный эпизод. Г. А. Ястребов исследует дистанции между социально-профессиональными слоями (§ 11.4). Используется сложный математический аппарат, хотя и без него из сути господствующих экономических отношений ясно, что существует пропасть между высшим классом и рабочим классом, что есть средние слои, занимающие некое промежуточное положение между высшим классом и рабочим классом. Но ведь в России классов нет, поэтому Г. А. Ястребов занимается институциональными, институционализированными и конструктивными группами. Они как-то отражают, "продолжают" классы и объективные социальные слои, образующие социальную структуру общества. Поэтому естественно, что, измеряя дистанции между группами, Г. А. Ястребов приходит к рабочему классу, к среднему классу (к средним слоям), однако приличия ради берет эти понятия в кавычки.

Но в центре внимания О. И. Шкаратана - доминирующая социальная иерархия, выделение реальных (гомогенных) социальных групп. Это выделение осуществлено на основе громадного эмпирического материала, переработанного инновационными математическими методами. При этом широко используется ресурсная парадигма, столь модная сейчас на Западе [12].

Посмотрим, однако, что получено авторами в конечном счете. Для этого, не вдаваясь в детали, обратимся к приведенной схеме. В ней фиксированы *два представления* о дифференциации российского общества. Авторы отдают предпочтение реальным группам. Но оба представления охватывают один и тот же массив людей. Какая же структура ближе к жизни, реалистичнее? Вне всякого сомнения, первая, признанная псевдореальной. Никакие математические ухищрения, никакая терминологическая эквилибристика (типа управляющие слева, менеджеры справа), никакое дробление и агрегирование групп не заставят здравомыслящего человека поверить, что группа менеджеров-миноритариев (1,7% респондентов) реальна, а группы рабочих (46,5%) псевдореальны или что группа исполнителей-миноритариев (3,2%) так же реальна и социально значима, как группа исполнителей-несобственников (74%), - так именуется О. И. Шкаратаном социальный резервуар, наличествующий под разными названиями в нашей социологии уже много лет. Такие интерпретации могут лишь дискредитировать математические методы в социологии.

Моя задача состоит не в том, чтобы дать исчерпывающую критику взглядов О. И. Шкаратана и его коллег, а в том, чтобы показать: 1) на какой основе строит он описание и анализ социального неравенства российского общества и 2) что предопределяет противоречивость этого анализа. Я утверждаю, что и царская Россия, и советское, и постсоветское общество носили и носят классовый характер. Разумеется, особенности российской истории, неравномерность развития огромной страны, перманентные, противоположные и резкие социально-экономические преобразования после 1861, 1917 и 1991 гг. придали классовой структуре России эксклюзивный характер, но использование этого для обоснования этакратизма нашего общества в то время, когда ему навязывают капитализм, контрастирует с научным авторитетом автора.

Исследование социальной структуры общества в краткий, но бурный период его истории не может обойти вопрос о преемственности развития этой структуры. Кто был носителем этой преемственности в России? По мнению О. И. Шкаратана, - бюрократия, чиновничество, номенклатура. Эта точка зрения ошибочна, но не беспочвенна. Советская бюрократия унаследовала многое от старой, - подчеркивал В. И. Ленин. О связи постсоветской бюрократии с советской живописует автор. Ясно и то, что если на перевале 1917 г. наивысшую активность проявили классы рабочих и крестьян, то на перевале 1991 г. - бюрократия и часть интеллигенции. Тем не менее, очевидно, что постоянной, хотя и претерпевшей существенные изменения, основой социальной структуры оставались входящие в производительные силы общества

классы рабочих и крестьян и интеллигенция. Однако О. И. Шкаратан их просто отрицает, как, впрочем, и буржуазный класс. Они растворены в социальных низах или в исполнителях-несобственниках. С помощью таблиц типа 6.6.6 (Реальные группы и их базовые социально-экономические характеристики) вырабатываются формально объективные, а по существу объективистские [13] представления.

В рецензируемой монографии классов нет, но в жизни они есть, и различия между высшим классом и трудящимися классами невероятны. Следовательно, отрицание всяких классов маскирует эти различия и выгодно высшему. О. И. Шкаратан описывает тяжелое положение масс, но кто в нем виноват? Реформаторы. Корень зла - некачественное реформирование общества. О капиталистической эксплуатации по существу ни слова. На Западе она есть, мы же до нее еще не доросли. "Реформы обычно принимаются за константу, не подлежащую пересмотру; население (что не равно обществу со сформированными дифференцированными интересами) рассматривается как объект (а не субъект) реформаторской деятельности" (с. 265). А как рассматривает социальные низы автор? У них, оказывается, есть стратегия (!) - стратегия выживания, то есть приспособления. Есть и специфические средства, например, реципрокность. Им нужны "воля и терпение, чтобы дождаться того времени, когда подъем экономики даст возможность россиянам получать стабильную зарплату, гарантирующую им хотя бы нынешний, крайне низкий уровень потребления, но уже без... подпорок "бесплатности"" (с. 261). А их инициативе, активности, самостоятельности О. И. Шкаратаном еще 20 лет назад было веско противопоставлено: "Кесарю - кесарево, слесарю - слесарево" [14].

Гораздо сложнее отношение автора к высшим слоям российского общества. В отличие от многих других социологов, которые обходят респектабельным молчанием эти слои под предлогом трудностей их изучения [15], О. И. Шкаратан посвящает им специальную главу, которая вряд ли случайно следует за главой о социальных низах. Налицо если не прямое, то позиционное противопоставление господствующим и трудящимся групп. Напоминаю, однако, что, по мнению автора, это не классы, а слои и т.п. В действительности в России возник буржуазный высший класс, о котором я писал в ряде публикаций [16]. Разумеется, этот класс далеко не зрел и, скорее всего, никогда не преодолет своеобразного социального инфантилизма. Он сильно отличается от своих западных аналогов в генетическом, "возрастном", традиционном, структурном, функциональном, институциональном, коммуникативном, культурном отношениях, но не по существу. Отвергая это, делая ударение на исключительности высших слоев российского общества, О. И. Шкаратан лишает себя возможности основательней проанализировать не только эти, но и средние слои.

Автор критически оценивает крупных собственников и чиновников. Он не жалеет красок, чтобы показать, что коррупция в России превратилась в устойчивую систему связей между предпринимателями и чиновниками, что чиновничество обеспечивает чрезвычайно высокие прибыли для рентополучающей элиты. Он показывает, к каким тяжелым экономическим последствиям привела ориентация последней на преимущественно сырьевое развитие экономики, и поддерживает тех, кто относит экспортеров отечественных сырьевых ресурсов к разряду "компрадорских буржуа", от которых отличается российская национальная буржуазия, чьи интересы совпадают с интересами большинства россиян (с. 280 - 281).

Эти публицистические подробности скрадывают то обстоятельство, что буржуазный высший класс в России складывается и функционирует как социальный квартет, состоит из четырех органично связанных частей: крупной буржуазии, крупной бюрократии, топ-менеджмента и идеологической элиты. Они интегрированы богатством или высокими доходами, общностью интересов, присущими капитализму формами взаимоотношений, чем-то вроде социального мутуализма, не исключающего противоречий, изменения соотношения сил и т.п. Игнорирование этих обстоятельств сказывается на логичности изложения. Напомню, что среди реальных социальных слоев у О. И. Шкаратана чиновников вообще нет, а среди социально-профессиональных псев-

дореальных групп имеются три слоя чиновников. Однако в § 9.2, где речь должна идти лишь о верхушке бюрократии, говорится о чиновничестве в целом. От внимания автора почти полностью ускользает то обстоятельство, что четыре части российского высшего класса находят свое социальное отражение и продолжение в средних слоях: (1) крупная буржуазия > средняя и мелкая буржуазия; (2) верхушка бюрократии > рядовое чиновничество; (3) топ-менеджмент > обычные менеджеры и супервайзеры; (4) идеологическая элита > часть интеллигенции.

Автор отрицает наличие среднего класса в России и не смешивает средний класс и средние слои. Однако он не понимает, что проблема российских средних слоев носит специфический характер. В странах классического капитализма средние слои прошли длительное развитие, и их современный облик во многом контрастен облику XIX в. В России средние слои причудливо сочетают черты того и другого, но автор, с одной стороны, фиксирует "средние слои компрадорского типа" (с. 323), а с другой осовременивает их, нередко подменяя реальное желаемым.

В соответствии с принятой теоретической схемой О. И. Шкаратан пишет: "Принципиально важным направлением государственной политики в стране, переходящей от этатристической к частнособственнической системе, должно было бы стать регулируемое формирование класса собственников - предпринимателей. Именно они должны послужить опорным каркасом эффективной постиндустриальной экономики. Но на протяжении всех лет реформирования экономики в России малое и среднее предпринимательство вынуждено было преодолевать бесконечные притеснения и бюрократические препоны" (с. 325). Эти идеи, не выходящие за рамки ежедневных передач ТВ, не могут не вызывать критического отношения по многим причинам. В частности, они совершенно обходят вопрос о том, что собой представляет повседневная практика притесняемых бюрократами мелких, средних и крупных капиталистов и руководимого ими менеджмента России, если подойти к ней с точки зрения трудящихся. Бесправие массы занятых, "серые" зарплаты, высокий травматизм, низкая оплата труда, которая признается основным конкурентным преимуществом [17], всевозможные злоупотребления, хищничество, - все это присуще очень многим, особенно малым и средним предприятиям, где чаще всего и профсоюзам нет. И все это покрывается чиновничеством, которое поэтому считает, что заслуживает вознаграждения за оказанные или возможные услуги. Следовательно, перед нами сложные, запутанные отношения, неформально-торгашеские по своему духу. "Прижимая" бизнес в одних отношениях, чиновники создают для него большие возможности в других отношениях, это выгодно тем и другим, но не всегда, бывают и нестыковки, скандалы, в которых на стороне бизнеса риторически участвуют и власть, и идеологическая элита, и некоторые социологи.

Монографии О. И. Шкаратана присуще следующее противоречие, порожденное пороками той теории, от которой автор отталкивается. С одной стороны, есть социологические работы, где столь большое место уделено историческому аспекту изложения, с другой, - постоянно ощущается дефицит историчности, наносящий ущерб анализу социальных явлений и процессов. Автор постоянно теряет исторический угол изложения, сравнивая Россию с современным капитализмом. Он пишет, например, что Россия не совершила переход к либеральной капиталистической экономике (с. 130). Конечно! В условиях России сделать это за 15 - 20 лет даже физически невозможно. Запад строил эту экономику столетиями, не имея за собой попытки социалистического перехода такой ширины и глубины, которая имела место в послеоктябрьской России. У нас складывается самый уродливый капитализм, который автор представляет как неэтакратию.

Или взять вопрос об уровне использования человеческого капитала в России и на Западе. Что дает поверхностное сопоставление, не учитывающее, что постсоветская Россия только что вышла (да и вышла ли?) из первоначального накопления капитала, что она лишь потребляла, но не развивала основы советского производства, усугубляя его технологическое отставание. Нельзя игнорировать и существенную разницу

в морально-психологическом положении людей в странах Запада, где относительное благополучие в немалой степени было достигнуто под воздействием завоеваний социализма, и в России, трудящиеся которой перенесены в иной социальный мир. Ясно, что один и тот же человеческий "капитал" в разных условиях используется по-разному.

О. И. Шкаратан обличает коррупцию, но умалчивает о ее важнейшем истоке. А он состоит в том, что в России складывается целостное здание буржуазного общества, которому, как подчеркивал Энгельс, присуще неформальное господство капиталистического класса, осуществляемое с помощью бюрократии, латентно подкупаемой капиталистами. На ранних ступенях капитализма это особенно характерно и распространено. К тому же верхушки буржуазии и бюрократии в России суть составные части высшего класса.

Книга содержит суровую критику отечественной элиты, опирающуюся на оценки ряда российских социологов. Но они, за редким исключением, судят об элите по разным формальным или несущественным признакам. В действительности никакие формальные признаки элиты не могут быть критериями ее выделения. Эти критерии носят конкретно-исторический характер. Их обобщающим синдромом является способность эффективнее других социальных слоев и людей действовать во имя коренных интересов общественного развития. Именно такого рода деятельность - основное средство совершенствования элиты, отбора в нее наилучшего человеческого материала. Весь вопрос в том, чтобы элита преследовала значимые и адекватные потребностям общества цели. О. И. Шкаратан пишет: "...проблема современной российской элиты - за формированием таких сил в составе влиятельных кругов российского общества, которые смогут выразить интересы не неономенклатуры, а складывающегося нового среднего класса и национальной буржуазии и трансформировать авторитаризм застоя и выживания в авторитаризм национального развития..." (с. 396). Но он же утверждает: "Наша оценка обществ советского типа как этакратических никоим образом не означает негативного взгляда на социализм как таковой" (с. 104). Так какая же элита нужна России и для чего - для утверждения капитализма или социализма?

Показательно сравнение некоторых положений монографии. Так, автор пишет: "в параллельно сосуществующих цивилизациях не совпадают критерии оценки успешности развития входящих в их состав национальных общественных систем" (с. 41). Или: "Этакратизм - это самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития" (с. 90). А в заключении книги говорится: "Мы полагаем, что в принципе есть возможность создавать информационную экономику при сохранении архаической социальной и политической "оболочки". Присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых заимствований с Запада при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур неоднократно имело место в истории нашей страны..." (с. 469). Выходит, параллели, если в этом кто-то заинтересован, пересекаются и в прошлом, и в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шкаратан О. И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО "ОЛМА Медиа групп", 2009. Ссылки на эту книгу даются в тексте лишь с указанием страниц.
2. Критику такого рода представлений смотрите во 2-й главе.
3. См.: *Беленький В. Х.* О парадигме развития России // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3. С. 22.
4. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В. 2-х т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 291.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 240 - 242.

6. Акцент делается не на реставрации сословий в современной России (чиновничество, казачество, клир), не на заигрывании с потомками дворянства, купечества, а, прежде всего, на

стр. 153

сословиях советского периода, которых юридически не было, но которые постфактум провозглашаются. Имеется в виду, прежде всего, т.н. номенклатура.

7. Известия. 2008. 15 апреля.

8. "Стратификационная система общества есть система структурированного социального неравенства, основными взаимодействующими компонентами которой являются социальная структура общества, институциональное распределение населения на разнообразные группы, образование которых связано с возникновением, функционированием и развитием общественных институтов, а также группы, создаваемые на основе конструкционного распределения". См.: *Беленький В. Х.* Стратификационная система общества: некоторые проблемы теории и общественного развития. Красноярск: СФУ, 2009. С. 8.

9. Всякое классовое различие социально, но не всякое социальное различие является классовым. Я отношу к социальной структуре общества только группы, включенные в производственные отношения. То же, хотя и по другим мотивам, делает, в отличие от очень многих социологов, О. И. Шкаратан.

10. Проблема критериев идентификации групп рассмотрена мной в указанной монографии. С. 9 - 11, 40, 42, 49 - 52, 105 - 106, 133, 137 - 138.

11. См.: *Гидденс Э.* Социология. Изд. 2-е. М., 2005. С. 256 - 258.

12. Мое отношение к данной парадигме раскрыто во 2-й гл. указанной монографии. Эта парадигма, как обнаруживает сам О. И. Шкаратан на с. 178, способствует переносу центра тяжести стратификационных исследований с объективного подхода на субъективный.

13. Сейчас не принято писать об объективизме (*Ленин.* ПСС. Т. 1. С. 418 - 419), но я не руководствуюсь соображениями моды.

14. *Шкаратан О., Кудюкин П., Пермьяков Ю.* За демократию или против нее? // Известия. 1989. 26 октября.

15. О. И. Шкаратан тоже подчеркивает трудности изучения высших слоев. Он пишет: "в состав респондентов, как, впрочем, и в других представительных опросах, не вошли как аутсайдеры, оказавшиеся на социальном дне, так и наиболее продвинутые члены общества. Но для целей данного исследования это не представляется критическим, поскольку задача состоит в выявлении социально-экономической дистанции между основными слоями нашего общества" (с. 252). Это верно по отношению к деклассированным элементам, но совершенно неприемлемо по отношению к высшему классу, который является классом-гегемоном и определяет всю общественную жизнь, всю стратификационную систему (Д. Вестергаард). Поэтому все опросы, претендующие на репрезентативность, но не охватывающие высший класс, представительными не являются. Строго говоря, социальную структуру как целое следует изучать по частям, возможно, разными методами, а затем проводить обобщающие исследования, позволяющие получить целостную картину.

16. См., например, *Беленький В. Х.* Высший класс России: проблема идентификации // Социол. исслед. 2007. N 5.

17. *Юргенс И.* По вертикали к горизонтали // Росс, газета. 2009. 24 ноября.

стр. 154